

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Фиванский цикл в западноевропейской драматургии XX века

Научный руководитель – Корнилова Елена Николаевна

Ларина Ирина Александровна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра телевидения и радиовещания, Москва, Россия

E-mail: ira-larina5@yandex.ru

В ходе исследования нами будут рассмотрены интерпретации фиванского цикла Софокла («Антигона» (442—441 до н. э.), «Царь Эдип» (429—426 до н. э.), «Эдип в Колоне» (406 до н. э.)) в западноевропейской драматургии XX века. Сразу стоит отметить, что сам цикл прошёл довольно длительный путь в истории культуры. Писатели каждого столетия так или иначе обращались к персонажам античного мифа, находя в их образах актуальные для своего времени идеи.

Сам миф об Эдипе и его детях появился ещё до софокловских трагедий. Так, фольклорист Владимир Пропп, находит черты этого сюжета «в форме сказки, легенды, эпической песни, лирической песни и народной книги. Кроме того, в литературе, имеющей полуфольклорный характер, он известен в форме трагедии, драмы, поэмы, новеллы. Он известен у всех европейских народов, а также в Африке (зулу) и у монголов». Ещё до появления фиванского цикла герой упомянут в поэмах Гомера, Гесиода, трагедиях Эсхила. После Софокла миф разрабатывали Еврипид (трагедии «Эдип» и «Финикиянки»), Мелет Младший («Эдиподия»), Ликофрон («Эдип»), Евбул («Эдип»), Цезарь («Эдип») и другие. Но именно в фиванском цикле драматурги будущих столетий увидели важные для себя вопросы о божественном вмешательстве в человеческую судьбу, морали богов и людей, вины человека в том или ином преступлении, влиянии личных интересов на государство и множество других. Это привело к тому, что именно интерпретация мифа об Эдипе Софокла до сих пор находит отклик в литературе.

До XX века драматурги будут видеть в фиванском цикле в основном политические идеи, заложенные Софоклом. Ещё в эпоху Возрождения, когда в культуре вырос интерес к античности, появились «Антигоны» итальянского поэта Луиджи Аламанни и французского драматурга Робера Гарнье. В XVII веке из-под пера отца французской трагедии Пьера Корнеля выходит «Эдип», в котором на первое место выводится политический мотив, где правитель-тиран наносит вред государству. В XVIII веке вслед за Корнелем создаёт трагедию «Эдип» его соотечественник Вольтер. Включив в трагедию героев-наперсников, автор представляет зрителям политическую сатиру на регента Франции Филиппа II Орлеанского. В XIX веке пьесу «Царь Эдип, или Тиран-толстоног» пишет представитель британского романтизма Перси Шелли. Она также является политической сатирой на события, происходящие в Англии, в которой Эдип предстаёт аллегорией на короля Георга IV.

Как видно, в большинстве этих трагедий Эдип рассматривался в первую очередь не как грешник, а как монарх, чья фигура сама по себе занимала важное место в драмах эпохи классицизма. Осмысление же философских смыслов, заложенных Софоклом, начнётся в эпоху модернизма, который знаменуется разрывом с культурными традициями прошлого. Под влиянием сочинений Рихарда Вагнера, Фридриха Ницше, Зигмунда Фрейда, Карла Юнга, Клода Леви-Стросса, авторы XX века склоняются к внутренней составляющей человека, тому, что наполняет его сознание. Эдип будет рассмотрен уже не как царь, а как человек, находящийся во власти судьбы.

Философы, антропологи, психиатры проявляют свой интерес именно к мифу, как к набору универсальных историй, хранящих в себе память веков, из которой выстраиваются определённые архетипы. В условиях же стремительно меняющегося мира людям было особенно важно видеть эту связь времён. Поэтому писатели начинают обращаться к мифу, как и к источнику новых изображений людей, так и вечных законов, проходящих через тысячелетия. Помимо собственного мифотворчества (Томас Манн, Джеймс Джойс, Франц Кафка и ряд других) возникают и новые интерпретации античных мифов.

К истории Эдипа обращаются такие писатели как Гуго фон Гофмансталь, Милан Кундера, Луи Арагон, Анри Бошо, Жан Кокто, Андре Жид и другие. Последние два драматурга более других привлекают внимание из-за противоположной идейной направленности своих трагедий. Появившись почти в одно и то же время, – «Эдип» Андре Жид (1931) и «Адская машина» Жана Кокто (1932) – трагедии рассматривают историю царя Фив и его фигуру с противоположных сторон.

Андре Жид сохраняет в «Эдипе» тот трагический пафос, который был заложен ещё Софоклом. Он видит в поступке главного героя (выкалывание глаз и последующее самоизгнание) немаловажный для автора мотив жертвенности, т. к. человек имеющий всё, увидел, как его поступки в действительности влияют на настоящее и смог отказаться от своего блага для того, чтобы чума больше не мучала его народ. Эдип у Жиды показан уверенным молодым человеком, который своими руками проложил путь к успеху, после чего он, пройдя мучительную трансформацию внутри себя, смиряется с тем, что всё потерял. Таким образом, драматург берёт идею Софокла и усиливает её в «Эдипе», вводя мотив мимолётности человеческого счастья, который был особенно актуален в XX веке.

Совсем иначе действует Жан Кокто в «Адской машине», значительно изменяя сюжет и композицию софокловской трагедии, которой следовал Андре Жид, и добавляя новые символы и образы. Наряду с другими новыми персонажами, автор врывается в трагедию свой голос, который и говорит зрителям, что та самая адская машина – это Боги, постоянно играющие с человеческой судьбой как им вздумается. На трагедию Кокто сильно повлияли философские труды Фрейда, который связывал сновидения с подсознательным сексуальным влечением к родителям. Именно сон становится одним из важнейших лейтмотивов в трагедии: герои видят кошмары, в которых кроется тайна рождения Эдипа, поэтому постоянно не могут уснуть. Из-за этого они становятся нервными и раздражительными. Таким образом, герои погружаются в так называемое состояние ужаса, делающее их винтиками в божественной адской машине. И наказание Эдипа совершается уже не из готовности героя пожертвовать собой ради высокой цели, а из-за отчаяния.

Данные трагедии, конечно, не воплощают собой все те культурные изменения, которые выведены в других интерпретациях фиванского цикла XX века. Однако именно они наиболее ясно показывают те пути, по которым пошли драматурги Нового времени, желая вывести своего Эдипа. Если Андре Жид во многих моментах следует за своим источником вдохновения, желая показать трагизм человеческого неведения, то Жан Кокто интерпретирует софокловское творение, как трагедию рока. И то, и другое у обоих трагиков завязано на мотиве ложного успеха, из-за которого человек начинает действовать бессознательно.

Источники и литература

- 1) Боннар А. Греческая цивилизация: в 3 т. / пер. О. В. Волкова. М.: Искусство, 1992
- 2) Жид А. Эдип. Драма // Андре Жид. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Терра, 2002. Т. 6.
- 3) Кокто Ж. Адская машина // Жан Кокто. Ужасные дети. Адская машина. М.: АСТ, 2019

- 4) Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Фридрих Ницше. Рождение трагедии / пер. А. В. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2001.
- 5) Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976
- 6) Фрейд З. Толкование сновидений. Минск: Харвест, 2004
- 7) Шарыпина Т. А. Восприятие античности в литературном сознании Германии XX в. (Троянский цикл мифов). М.: 1998.
- 8) Цит. по: Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 260.